

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Пирожкова С.В. Деятельностное и эпистемологическое значение принципа участия в практике форсайтинга // Социодинамика. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.12.72790 EDN: YCAOPY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72790

Деятельностное и эпистемологическое значение принципа участия в практике форсайтинга

Пирожкова Софья Владиславовна

ORCID: 0000-0003-4477-4422

кандидат философских наук

старший научный сотрудник; Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

✉ pirozhkovasv@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2024.12.72790

EDN:

YCAOPY

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2024

Дата публикации:

22-12-2024

Аннотация: В статье представлены результаты исследования развития такой формы прогнозирования, планирования, социального проектирования и управления социальными процессами, как форсайт. Рассмотрены основные особенности этой практики и условия, в которых она формировалась. Исходя из полученных результатов, в качестве основного предмета исследования выбран так называемый принцип участия, или партисипативный подход, предполагающий участие в профессиональных видах деятельности (к каковым традиционно относятся и социальное прогнозирование, социальная инженерия, управление социальными системами и т.д.) социальных акторов, не имеющих должной подготовки. В фокусе анализа – идейное содержание этого принципа, сферы его действия как нормы научной практики, его организационно-

деятельностный и эпистемологический смысл, оценка уровня его реализации в практике форсайта, ограничения и перспективы этой реализации. Исследование проводится путем терминологического, социально-философского, эпистемологического и философско-деятельностного анализа, с использованием авторских теоретических разработок в области анализа и концептуализации форсайта как предмета философии науки, социальной эпистемологии и социальной философии, а также с привлечением концептуального инструментария названных областей. Показано, что форсайт одновременно претендует на статус комплексной деятельности, интегрирующей традиционные виды деятельности, реализующие познавательное и деятельностно-активное отношение к будущему и выступает идейной рамкой, объединяющей упомянутые виды деятельности, не интегрируя их в деятельностное целое. Выявлены запросы, в ответ на которые формировался форсайт, показано, что релевантность им требует от него целенности на интеграцию различных ресурсов, задействованных в процессах управления социальными системами. Показано, что в свете этой задачи конститутивным для форсайта выступает принцип участия. Дано развернутая характеристика последнего, приведены примеры его функционирования в области социальных наук и практики. Обосновано, что реализация принципа участия объясняет, почему форсайт выходит за границы специализированной научно-исследовательской и социально-инженерной деятельности, не превращаясь при этом в социальную технологию. Выявлено, что форсайт характеризуется полигентной структурой, которая с эпистемологической точки зрения является и полисубъектной, но позволяет также переходить к коллективной субъектности. В заключение дана авторская оценка границам и перспективам применимости принципа участия в практике форсайтинга.

Ключевые слова:

форсайт, социальные науки, социальное прогнозирование, принцип участия, партисипативность, эпистемическая субъектность, социальная технология, трансдисциплинарность, управление, полисубъектность

Предмет и методы исследования: специфика форсайта и релевантные подходы к его изучению. При философско-научном изучении такого феномена, как форсайт (англ. Foresight), центральными выступают вопросы о его природе, методах, формах организации и агентной структуре. Как ранее было показано [1], форсайт – гетерогенное явление, допускающее несколько дефиниций, каждая из которых имеет и дескриптивный, и нормативный характер. Эта особенность сохраняется и по сей день, несмотря на то, что данная деятельность существует уже несколько десятилетий. Форсайт функционирует как в качестве особого методологического подхода к социальному прогнозированию и планированию и особой формы организации прогнозных исследований и планово-проектных мероприятий, так и в форме социальной технологии и инструмента управленческой деятельности, а также особой социальной практики [2]. При этом его нельзя приравнять к одному из названных видов деятельности, то есть определять в качестве только новой формы социального предвидения или определенной социальной технологии. В случае с форсайтом мы имеем дело со сложным социально-эпистемическим феноменом, который не позволяет четко и однозначно отделить знания от коммуникаций и производства и воспроизводства социальной реальности. Более того, если пытаться аналитически вычленить различные компоненты этого сложного целого, исследуя каждый в отдельности как самодостаточный и эволюционирующий в соответствии с собственными независимыми

механизмами, результат будет нерелевантным, поскольку эпистемические качества форсайта обуславливаются социальными и даже социально-политическими условиями и нормами его реализации, и наоборот – форсайт как социальная практика определяется эпистемологическими характеристиками познания социальной реальности.

С учетом сказанного целесообразно сформулировать наиболее общую дефиницию, руководствуясь задачей созиания эмпирического многообразия не по критерию самоназвания – «назвался форсайтом, значит форсайт», но по содержательному критерию. Тем не менее анализ показывает, что одной дефиницией обойтись не удастся, их потребуется как минимум две. Это связано с тем, что нам необходимо фиксировать как существующую практику, так и тот идейный и методологический нарратив, в который она погружена. Первый вариант отражает претензию на формирование форсайта как комплексной деятельности, которая интегрирует традиционные виды деятельности, реализующие познавательное и деятельностно-активное отношение к будущему, и опирается на ряд представлений о будущем, не составляющих сегодня законченной системы, но в перспективе способных ее сформировать. Второй вариант принимает в расчет, что в целом ряде случаев форсайт не представляет собой такую деятельность, но выступает лишь парадигмальной рамкой, внутри которой интегрируются традиционные практики предвидения и конструирования будущего, сохраняя при этом свою автономность. В этом смысле о форсайте сложно говорить как о сложившейся методологической парадигме, скорее речь идет о формировании такой парадигмы, что в свою очередь требует проработки целостной концепции, включающей онтологию и гносеологию будущего. Когда речь идет о форсайте как о деятельности, а не о методологическом подходе или парадигмальной рамке, мы будем также говорить о форсайтинге, подчеркивая процессуальность и деятельностную природу этого феномена.

Если мы рассматриваем форсайт как комплексную деятельность, то можем говорить о совокупности используемых в ходе ее реализации методов. Так поступает Р. Поппер, трактующий форсайт как целостное явление, располагающее широким массивом методов работы с будущим – от экстраполяции трендов до включения персональной способности воображения в рамках футурологической эссеистики [\[3\]](#). При этом, как показывает анализ конкретных форсайтов, в зависимости от задач в его структуре начинает доминировать та или иная деятельностная составляющая – прогнозная, плановая, проектная, рефлексивная, социально-технологическая, а значит, те или иные методы и организационные форматы выходят на первый план (подробнее см.: [\[1\]](#)).

Последний вывод принципиально важен в плане исследовательских подходов к изучению и концептуализации форсайта и говорит в пользу необходимости в первую очередь смотреть не столько на методологическое или деятельностное своеобразие данного феномена, сколько на условия его формирования и те социальные и научные запросы, на которые он был призван ответить. Форсайт сформировался в условиях: 1) ставшей очевидной неэффективности количественного прогнозирования для решения задач социального предвидения, 2) слабой обоснованности новых методов так называемого качественного прогнозирования – экспертных методов формирования предположений о будущем на основании профессионального опыта и личной прозорливости; 3) краха проекта футурологии – науки о будущем, аналогичной истории и способной предоставлять обоснованные выводы о состоянии социума и различных его подсистем в будущем (подробнее см.: [\[4\]](#)). Все перечисленные подходы по отдельности оказывались нерелевантными, а пути их интеграции были неясны. Кроме того, обнаружился разрыв между производством знания о будущем и использованием этого знания в управлеченческой практике – ни одна иная область научного познания не

характеризовалась столь сильной рефлексивностью предсказаний, как социально-экономические дисциплины [\[5\]](#). Все это требовало разработки не просто новых подходов, но новой стратегии, которая позволила бы не только предвидеть в области социального познания, но успешно действовать, эффективно управляя социальными процессами и развитием общества в целом.

Обозначенный запрос определяет специфику форсайта как одновременно познавательной деятельности и социального конструирования, исследовательской и управлеченческой практики. Одним из наиболее ярких примеров амбивалентности форсайта является конститутивный для него принцип участия, итоги анализа которого представлены в данной работе. Далее будет показано, что принцип участия выступает как эпистемологической, так и организационно-деятельностной нормой, а методологическое разнообразие подкрепляется эпистемическим – разнообразим источниками знания, и агентным – разнообразием участников, задействованных в выработке прогнозов, планов и проектов.

Кто и как реализует форсайты? – вопрос, не имеющий однозначного ответа. Вместе с тем, именно он принципиально важен, поскольку именно при попытке ответить на него большинство представителей эпистемологии и философии науки делают вывод, что речь идет не о научно-исследовательской деятельности, а, например, о социальной технологии [\[6\]](#). Форсайт может быть принят на вооружение правительственными структурами на федеральном и местном уровне и в этом случае выполняться в рамках специальных подразделений. В качестве примеров можно привести Центр стратегических перспектив (The Centre for Strategic Futures) в Сингапуре [\[7\]](#) и Комитет по будущему (The Committee for the Future) при парламенте Финляндии [\[8\]](#). Форсайт может реализовываться и специальными научными институциями либо подразделениями при уже существующих научных учреждениях. Так, в Японии, считающейся родоначальницей в организации форсайтов, за их проведение уже более тридцати лет отвечает Национальный институт научно-технической политики (National Institute of Science and Technology Policy) [\[9\]](#), а в России действует специальное структурное подразделение Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики» – Международный научно-образовательный Форсайт-центр [\[10\]](#). Форсайт имеет место в организациях, где его могут проводить как ее сотрудники при экспертной поддержке со стороны, так и определенные подразделения (см., например, [\[11\]](#)). Кроме того, форсайтинг практикуют различные общественные организации, в России его, например, широко использовало Агентство стратегических инициатив, даже развивая собственные методики [\[12\]](#).

При этом агентная структура форсайта весьма необычна – в форсайтинге могут быть задействованы не только профессионалы в области экономического, технологического, политического прогнозирования, но и представители соответствующих сфер деятельности, не являющихся прогнозистами или управленцами.

Отсутствие фиксированного субъекта превращает форсайт в совокупность предписаний, указывающих что и как делать для получения того или иного результата, и это позволяет определять его в качестве социальной технологии (определение социальной технологии см. в [\[13\]](#)). Продуктом форсайта оказываются знания (прогнозы), предписания (планы, программы), социальные взаимодействия и связи (знакомства, коллaborации, проектные группы), социальные институции. Научная деятельность, будь то исследовательская или инженерная, тоже технологична, но исполнение соответствующих предписаний в случае

науки требует наличия определенных субъектов – специально подготовленных и объединенных в рамках одного социального института. Форсайт опирается на принципиально иной подход к производству знаний и проектов, именно он и создает видимость универсального инструментария, применяя который каждый может получить желаемый результат. Однако опыт мирового форсайтинга говорит о том, что эта деятельность изначально строится как профессиональная, точнее, конструируется специалистами как профессиональная инновация, и привлечение к ней непрофессионалов является элементом такой инновации, а не примером применения социальной технологии. Чтобы понять, каким образом и на каких основаниях это происходит, нужно проанализировать одну из конститутивных идей форсайта.

Партиципативность как организационный принцип форсайт-деятельности. Одна из существенных черт форсайта – реализация «партиципативного» подхода (*participative approach*) в отношении эпистемических и деятельностных ресурсов [\[14, р. 8\]](#). Термин «*participation*» можно переводить по-разному. Как представляется, уместным является слово «участие» – наиболее общее по объему. Иные аналоги, такие как соучастие или партнерство, сужают смысл партиципации, которая применительно к форсайту предполагает ту или иную форму вовлечения широкого круга, с одной стороны экспертов, с другой – заинтересованных лиц (стейкхолдеров), в различных видах деятельности, направленной на будущее, – прогнозировании, планировании, рефлексии, проектировании. Не вполне подходит и слово «сотрудничество», поскольку предполагает паритетные, а главное, состоявшиеся отношения, тогда как участие – только первый шаг к сотрудничеству.

Суть партиципативности, или принципа участия, заключается в императиве привлечения и вовлечения в специализированную деятельность – т.е. деятельность, отличающуюся определенными формами процессуальности и требующую от субъекта определенной подготовки, знания общих норм и конкретных приемов, – тех кто не проходил специальную подготовку, не обладает опытом и навыками и профессионально занят в других сферах деятельности, но так или иначе связан с исследуемым, прогнозируемым, обсуждаемым, конструируемым объектом.

Развитие партиципативности мотивировано двумя соображениями. Первое связано с социальными и управлеченческими задачами, с идеей социальных преобразований, создания новых социальных контактов, сетей взаимодействия, институций. Второе – с необходимостью интегрировать множество знаний, по большей части не объективированных, не воплощенных в каких-то текстах или привычных видах практики, а жестко связанных с так называемым личностным знанием – тем знанием, которым располагают отдельные люди в силу имеющегося у них опыта, особенностей их жизни и деятельности, в том числе когнитивной. Велика доля такого рода знаний в общей совокупности знаний, которыми обладают те, кого принято определять в качестве экспертов. Эксперты знают то, что еще не объективировано, и даже то, что сами могут быть не в состоянии четко вербализировать, по крайней мере, вне процедур экспертного анализа каких-то проблем. Чем сложнее проблема, чем она комплекснее, тем в меньшей степени ее можно решить с привлечением одного эксперта. Так формируется практика коллективной экспертизы – сначала дисциплинарной, потом поли- и междисциплинарной, и наконец, метанаучной (трансдисциплинарной) [\[15\]](#).

В самих по себе экспертных практиках дисциплинарного и междисциплинарного типа, впрочем, нет ничего нового, чего-то такого, что потребовало бы введения нового термина. Появление понятия партиципативности связано с идеей расширения состава

участников тех видов деятельности, субъектность которых жестко определена. Если речь идет о научной деятельности, то ее индивидуальный субъект – ученый, коллективный – научное сообщество. Когда проводится прогнозное исследование, его субъект – коллектив специалистов в области определенного предметного вида прогнозирования. Принцип участия описывает не подобные коллективные формы научного познания и научно фундированной деятельности (например, управления), но такие формы, которые трансформируют представление об агенте познания и действия. Примерами подобной трансформации могут служить:

- партисипационные исследования (participatory action research) в социогуманитарных науках, предполагающие, с одной стороны, вовлеченность исследуемого в порождение знания ни в качестве объекта, а в качестве субъекта исследовательского процесса, а с другой – вовлеченность ученого-исследователя в прагматический контекст, делающий получаемые знания практически ценными для исследуемого [\[16\]](#);
- гражданская наука (citizen science), основанная на участии в научно-исследовательской деятельности ученых-любителей и непрофессионалов [\[17\]](#);
- оценка научно-технических проектов и инноваций (technological assessment), осуществляемая широким кругом лиц – ученых, управленцев, предпринимателей, представителей различных социальных групп, религиозных институтов и т.д.;
- выработка управленческих решений с участием различных заинтересованных сторон (participative management) [\[18\]](#);
- коалиционная выработка рамочных условий или проектов развития с привлечением широкого круга так или иначе причастных и заинтересованных акторов (participatory development) [\[19\]](#).

Кроме того, имплицитно принцип участия присутствует также в:

- технонаучной программе развития науки;
- концепции постакадемической формы науки;
- концепции трансдисциплинарного диалога как модели выработки коллективного видения проблем метанаучного характера.

Во всех перечисленных практиках и трех названных концепциях наблюдается размыкание замкнутых научных и профессиональных обществ, выступающих в виде замкнутых эпистемических групп, формирование общего эпистемического поля. Этот процесс наиболее точно схватывается в идее трансдисциплинарности как ее развивает Л.П. Киященко [\[20\]](#). В пространстве трансдисциплинарности как едином эпистемическом пространстве наука выступает не выделенной, а лишь одной из многих познавательных инстанций. Целый ряд проблем и задач может быть решен только в такой перспективе, при этом речь идет и о прагматических, и о мировоззренческих задачах, и тем самым отрицается исключительность научного или какого-то другого вида познания как в качестве производящего однозначные критерии приемлемости того или иного решения, так и в качестве главной основы мировоззрения современного человека.

В более широком деятельностном горизонте трансдисциплинарность превращается в делиберативную стратегию политического и управленческого процессов. Каждый имеет право голоса не только в силу изначального равенства прав и свобод, но в силу

ценности его локальных познавательных и деятельностных возможностей (индивидуальных, обусловленных спецификой социокультурного положения, особенностями профессиональной занятости или исключительного личного опыта). Каждый видит и может сделать то, что не замечают и не могут реализовать другие. Подчеркнем, что речь идет не об эпистемологическом плюрализме или релятивизме и не о доминирующей ценности локального знания, а фактически об «ассимиляции» этих явлений классической эпистемологической позицией, подразумевающей такие структурообразующие понятия, как истина и объективность. Это «ассимиляционное» движение опирается на осознание того факта, что существование сообществ – начиная с небольших социальных групп и кончая национальными и, наконец, глобальным – требует преодоления эпистемологического релятивизма и связанной с ним и, казалось бы, неизбежной локальности любого знания. Это преодоление не есть преодоление многообразия. Оно, наоборот, предполагает работу с многообразием, но такую, которая не ведет к эпистемологическому релятивизму. Удерживать многообразие удается только в условиях постоянного диалога и перехода от одних консенсусных решений к другим. Общая картина мира оказывается мозаичной, но не отрицательном смысле. Как мозаика передает образ репрезентируемого объекта, так же и реальность должна представлять в многообразии перспективистских знаний, которыми обладают различные акторы. Принципиальное отличие от инкрустированного изображения состоит в стационарности последнего и динамичности системы представлений, основанной на интеграции различных эпистемических перспектив. Эта динамичность связана не только с постоянным обновлением каждого кусочка мозаики в силу его собственного развития, но и благодаря взаимодействию всех кусочков друг с другом.

Формирование широкого эпистемического пространства имеет своим следствием более тесное переплетение познавательного и деятельностно-преобразовательного отношения, что также находит отражение в ряде научных практик, например, упомянутых партисипационных исследованиях, и концепциях развития науки. Это обусловлено тем, что например, обыденное познание отличается большей укорененностью, встроеннostью в совокупность практических потребностей. Принцип участия можно, скажем так, развернуть в иную сторону и говорить уже не об участии иных субъектов в научных, в частности прогнозных или планово-проектных мероприятиях, но о более активном участии науки в жизни общества.

Подведем итог разбору содержания и функционала принципа участия: этот принцип отвечает, с одной стороны, на эпистемологические, с другой – на социальные вызовы, обусловленные развитием общества – повышением общего уровня образованности, гуманности и социального участия, которое в свою очередь базируется на возрастании доступности широким слоям населения эпистемических и социальных ресурсов. В новых реалиях перестают работать многие классические стратегии социального действия, в том числе управлеченческие, инженерные, исследовательские паттерны. Форсайт, опираясь на принцип участия, выступает комплексным ответом на эти трансформации в одной из областей социального познания и действия – области предвидения и конструирования будущего. С учетом такого генезиса форсайта, определять его исключительно как социальную технологию значит упрощать реальность, игнорируя системный социально-эпистемический характер форсайта как продукта развития общества знаний.

Реализация принципа участия и агентная структура форсайта. Как было показано в [21], большинство научных практик, воплощающих принцип участия (например, научный краудсорсинг), не приводит к эффектам партнерства обобщенных ученого и неученого как носителей специфических эпистемических компетенций. Поэтому и о формировании

коллективного субъекта, не тождественного с научным сообществом, говорить невозможно. Но если мы обращаемся к общезначимым знаниям мировоззренческого и практического характера, то здесь оценка уже не может быть столь однозначной, поскольку формирование подобного знания происходит в упомянутом широком эпистемическом пространстве, а не путем трансляции научных знаний, и предполагает выход науки за собственные эпистемические границы, попытку установить контакт и точки соприкосновения с другими видами знания. Общезначимые знания – необходимый фундамент трансдисциплинарного диалога. При всем различии мировоззрений, нужно иметь общее поле знаний.

Однако вспомнив, что мировоззрение и категориальный строй культуры оказывают влияние на нормы и идеалы научной деятельности, мы обнаружим трансфер и в обратном направлении. Поэтому ретроспективно коллективный субъект, стоящий за научным познанием, но не редуцируемый к научному сообществу, может быть обнаружен. Тем не менее это явно не совсем то, что мы подразумеваем под агентом научной деятельности. Сегодня, когда интерактивным каналом такого трансфера выступает техноэкспертиза и научная политика с участием общественности, ситуация несколько меняется и отчасти неученый также оказывается субъектом развития науки. В чем же принципиальная разница? В том, что в рамках техноэкспертизы не утрачиваются индивидуальные или групповые коллективности, на основании которых формируется более широкий коллектив.

Форсайт как комплексная деятельность, реализующая и познавательный, и проектный интерес в отношении будущего, востребована, конечно, не только в рамках реализации программ партисипативного управления и партисипативного развития, а также техноэкспертизы трансдисциплинарного типа. Форсайт может быть и междисциплинарным, таким, при котором вовлечение знаний непрофессионалов строится традиционным путем – посредством социологических опросов [22]. Хотя внимание к различным социальным акторам оказывается и в этом случае большим, чем при традиционном социально-экономическом прогнозировании, никакого расширения субъектности при этом не происходит. В полной мере принцип участия реализуется в делиберативных и интерактивных формах форсайта (конференции, общественные слушания, игровое моделирование и др.).

При форсайтах, включающих других социальных акторов и их мнения путем опросов, анкетирования и т.д., связь между мнением респондента и итоговым результатом форсайта – прогнозом или дорожной картой – является довольно опосредованной. Знакомясь с таким результатом, респондент фиксирует какие-то совпадения с собственными ожиданиями и чаяниями, но не более того. Казалось бы, если речь идет о прогнозе, скажем развития городской среды, в такой ситуации нет ничего вызывающего у респондента неудовлетворенность – он и не претендует на знание целостной картины. Однако сегодня в условиях декларируемых демократичности и доступа к принятию социально значимых решений, открытости информации и наличия в публичном пространстве множества экспертов, растолковывающих то, что может оказаться недоступным для понимания, в отношении социальных объектов каждый причастный к ним актор имеет «картину целого». Поэтому городской житель (образованный, социально активный и любознательный) способен критически оценить прогноз и высказать ему недоверие. Еще очевиднее возможность претензий в случае дорожных карт, исходящих не только из наличного, но и из желательного.

Несогласием граждан с полученными прогнозами или проектами только на первый

взгляд можно пренебречь. Потому что реализация зафиксированного будущего зависит от каждого – хотя бы в форме уплаты налогов и поддержки властей на выборах. Недемократичность процедур формирования стратегий и проектов развития может дорого обойтись управленцам. Кроме того, как показывает Ф. Хайек, даже при согласии граждан план или проект могут оказаться неэффективными в случае некорректного учета той информации, которой располагают жители [\[23\]](#). Эта информация может не подлежать передаче в статистической форме уже в силу того, что опросники формируются теми, кто не обладает опытом проживания в тех или иных районах и условиях и просто не задаст респондентам необходимые вопросы. При открытых вопросах (типа «перечислите важнейшие технологические нововведения, в которых нуждается Ваш район/город») возникает проблема интерпретации – как респондентом вопроса, так и аналитиком собранных ответов.

Обозначенные ограничения снимаются в рамках делиберативных форм реализации форсайта. Личностные знания и точки зрения городских жителей не то, что не превращаются в статистику, а предстают аутентично. В ходе дискуссии носители локального опыта лучше осознают его и формулируют знания в виде, более подходящем для коллективного пользования. Тем самым форсайт формирует полиагентную среду, которой и предстоит работать над картиной будущего – в принципе возможного и наиболее для всех агентов приемлемого. Полиагентная структура в начальной точке форсайта является и полисубъектной. Однако выработка общего видения, интеграция знаний, согласование мнений и интересов позволяет переходить от полисубъектности к коллективной субъектности. Ее основанием выступает с одной стороны проектная идентификация [\[24\]](#), с другой – формирующиеся ценностные императивы.

Заключение: оценка степени и пределов реализации принципа участия в практике форсайтинга. Итак, отвечая на проблемы социального предвидения и управления социальными системами, социальная наука и социальная практика в конце прошлого века двинулись по пути усложнения своего инструментария. Это в полной мере соответствует закону Эшби, в соответствии с которым управление может быть эффективным только в том случае, когда управленческая система достаточно сложна (имеет достаточный уровень разнообразия) по отношению к сложности объекта управления. Принцип участия в этом контексте выступает деятельностной нормой, направленной на вовлечение в управленческий процесс наибольшего количества эпистемических и деятельностных ресурсов. С этой точки зрения, методологическое разнообразие форсайта является лишь одним из проявлений приверженности данной идеи – на уровне конкретного инструментария. При этом такой инструментарий включает не только научные методы, но все возможные способы конструирования человеком образов будущего, и вслед за расширением агентности форсайта за пределы науки и профессионального сообщества расширяет его за границы обоснованного знания.

Последнее показывает, что при своей всей эвристичности принцип участия как принцип организации коллективной познавательной деятельности таит угрозу релятивизации и хаотизации этого процесса. Здесь могут быть сформулированы те же опасения, о которых писал А.П. Назаретян применительно к закону Эшби: если разнообразие является безусловной ценностью, то в области социального это ведет к отрицанию всякой регуляции общественной жизни [\[25, с. 225\]](#). В самом деле, этические и юридические нормы снижают уровень разнообразия, а потому должны быть признаны вредными. Ответить на эту дилемму может принцип иерархических компенсаций, или закон Седова (Е.А. Седов – советский кибернетик и философ), предполагающий, что разнообразие иерархически распределено в системе и при высоком разнообразии на высших уровнях

требуется низкое разнообразие на низших и наоборот [26, с. 119–139]. Можно сказать, что форсайт отвечает и этому принципу: разнообразие точек зрения на социальное будущее, возникающее из разных социальных и эпистемических перспектив, должно свестись к консенсусной позиции коллективных прогноза, плана и социального проекта. Таким образом, принцип участия действует на уровне индивидуальных и групповых субъектов, тогда как на уровне выработки результата – эпистемического и деятельностного – мы имеем дело с редукцией сложности и менее разнообразным, но операционально более эффективным результатом. Подобный результат, включающий знания, позиции, установки, предписания и социальные договоренности, позволяет так организовывать действия социальных агентов, чтобы минимизировать нежелательные состояния социальной системы и максимизировать желательные, т.е. реализовывать основную функцию управления.

В дополнение к сказанному стоит признать, что на практике принцип участия действует в ограниченном масштабе. Форсайты, проводимые в разных странах (подборку отчетов и анализ которых можно найти на русском языке в журнале «Форсайт») показывает, что он по-прежнему тяготеет либо к академическим, либо, по крайней мере, к профессионализированным формам, в то время как делиберативные формы работают как социальные технологии адаптации общества к быстро меняющейся социальной реальности. Но на уровне парадигмальной рамки и соответствующего дискурса форсайт позиционируется именно как один из примеров реализации партисипативного подхода, а значит, есть все основания полагать, что практика будет постепенно трансформироваться в сторону нормативного идеала.

Библиография

1. Пирожкова С.В. Форсайт («Foresight») как форма социального проектирования // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. № 2. С. 109–123.
2. Foresight as a Strategic Long-Term Planning Tool for Developing Countries. Singapore: UNDP Global Centre for Public Service Excellence, 2014.
3. Popper R. Mapping Foresight. Revealing how Europe and other world regions navigate into the future. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2009. 128 p.
4. Пирожкова С.В. Прогнозные и футурологические исследования: к вопросу разграничения компетенций // Философские науки. 2016. № 8. С. 100–113.
5. Grunberg E. Predictability and Reflexivity // American Journal of Economics & Sociology. 1986. Vol. 45(4). P. 475–488.
6. Розин В.М. Социальная технология «форсайт» или политика и общество? // Политика и Общество. 2014. № 11. С.1419–1441. URL: https://en-notabene.ru/psmag/article_54310.html
7. Centre for Strategic Futures. Official Website. URL: <https://www.csf.gov.sg/>
8. Committee for the Future. Special section on Parliament of Finland' Website. URL: <https://www.eduskunta.fi/EN/valiokunnat/tulevaisuusvaliokunta/Pages/default.aspx>
9. National Institute of Science and Technology Policy. Official Website. URL: <https://www.nistep.go.jp/en/>
10. Форсайт-центр. Официальная страница. URL: <https://foresight.hse.ru/>
11. Березной А. Корпоративный Форсайт в стратегии транснационального бизнеса // Форсайт. 2017. Т. 11. № 1.С. 9–22.
12. Форсайт-флот. Создавая реальное будущее вместе. 2012–2016. URL: <https://asi.ru/foresighttrip/> (дата обращения: 12.08.2019).
13. Касавин И.Т. Об эмпирической базе исследования социальных технологий: типологические соображения // Наука и социальные технологии / Отв. Ред. И.Т.

- Касавин. М.: ИФ РАН, 2011. С. 3–8.
14. Coates V., Farooque M., Klavans R. et al. On the future of technological forecasting // Technological Forecasting and Social Change. 2001. Vol. 67(1). P. 1-17.
15. Pirozhkova S.V. Socio-Humanistic Support for Technological Development: What Should It Be Like? // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88(3). P. 210–219.
16. The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice / Ed. by P. Reason and H. Bradbury. London: Open University Press, 2008. 720 p.
17. Haklay M. Citizen Science and Policy: A European Perspective. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2015. 67 p.
18. Halal W.E., Brown B.S. Participative management: myth and reality // California Management Review. 1981. Vol. XXIII. No. 4. P. 20–32.
19. Kyamusugulwa P.M. Participatory Development and Reconstruction: a literature review // Third World Quarterly. 2013 Vol. 34. No. 7. P. 1265–1278.
20. Киященко Л.П. Философия трансдисциплинарности: подходы к определению // Трансдисциплинарность в философии и науке. Подходы. Проблемы. Перспективы / Под ред. Р. Шольца, В. Бажанова. М.: Навигатор, 2015. С. 109–135.
21. Пирожкова С.В. Принцип участия и современные механизмы производства знаний в науке // Эпистемология и философия науки / Epistemology & Philosophy of Science. 2018. Т. 55. № 1. С. 67–82.
22. UNIDO Technology Foresight Manual. Vol. 1. Organization and Methods. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2005. 247 p. URL: https://forschungsnetzwerk.ams.at/dam/jcr:a7d1fdce-a692-4652-841d-f87f31f79881/unido_volume1_unido_tfores_manual.pdf (дата обращения 30.10.2024).
23. Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society // The American Economist Review. 1945. No. 4. P. 519–530.
24. Лепский, В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Когито-Центр», 2019. 340 с.
25. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование.) 2-е изд. М.: Мир, 2004. 367 с.
26. Седов Е.А. Одна формула и весь мир. Книга об энтропии. М.: Знание, 1982. 176 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье можно выделить две составляющих. С одной стороны её можно рассматривать как обобщающую картину такого явления современной социальной и интеллектуальной жизни, как форсайт. С этой точки зрения можно говорить об актуальности работы как весьма квалифицированного опыта представления широкому кругу читателей итогов «философско-научного изучения» (выражение автора) рассматриваемого феномена. Автор справедливо указывает в этой части статьи на сложность и комплексный характер форсайта, склоняясь даже к мнению о естественности положения, при котором специалисты не могут согласовать свои принципиально различные определения этого явления. Последнее обстоятельство, впрочем, не может не вызвать замечания, что отсутствие в научном сообществе согласия по поводу определения этого «рамочного» понятия (вспомним, что определение – выражение в речи сущности понятия) свидетельствует о том, что само понятие остаётся до сих пор неотрефлектированным, оно используется как формальная

метка, скрывающая от широкого круга читателей под «модным» словом отсутствие смыслового единства, то есть отсутствие «понятия» в непосредственном значении этого термина. Конечно, можно возразить, что всякое понятие проходит некий «период оформления», в продолжение которого его смысл «кристаллизуется», прежде чем слиться в действительное единство. И в данном случае автор, конечно, справедливо указывает на невозможность отделить в рассматриваемой деятельности «знания от коммуникаций и производства и воспроизведения социальной реальности», указывает на то, что «форсайт функционирует как в качестве особого методологического подхода к социальному прогнозированию и планированию и особой формы организации прогнозных исследований и планово-проектных мероприятий, так и в форме социальной технологии и инструмента управленческой деятельности, а также особой социальной практики». «Наивный» читатель, однако, может спросить, а следует ли «покрывать» всё подобное разнообразие и даже «разнородность» социальной практики одним словом? Не препятствует ли подобный подход осмыслению столь разных видов деятельности, ведь, очевидно, «аналитический этап» становления понятия должен предшествовать концептуальному синтезу? С другой стороны, статья может быть определена как оценка автором «принципа парсипативности» форсайта. В этой части автор предлагает читателю свои размышления о факторах, которые способствуют необходимости привлечения внимания к указанному принципу (актуальность социальных и управленческих задач, необходимость осмыслиения тенденций «социальных преобразований, создания новых социальных контактов, сетей взаимодействия, институций»; «необходимость интегрировать множество знаний, и т.д.»). Признание всей важности «принципа парсипативности» не мешает, однако, автору видеть и связанные с акцентированием внимания на нём опасности: «принцип участия как принцип организации коллективной познавательной деятельности таит угрозу релятивизации и хаотизации этого процесса». Оценка автором «принципа парсипативности» как естественной «точки зрения» на изучение форсайта, в отличие от первой части статьи, рассчитана, скорее, не на широкий круг читателей, а на специалистов, которые могли бы включиться в обсуждение проблемы. Вряд ли правильно утверждать, что статья носит новаторский характер, а её содержание может быть представлено как исключительно оригинальное, но во всех других отношениях она заслуживает самой высокой оценки. Представленный текст отличают компетентность и взвешенность оценок, в процессе знакомства с ним почти не возникает замечаний относительно стилистики, пунктуации, и т.п. Рецензируемая статья заслуживает публикации в научном журнале.